

ПОМНИТЬ — ОСТАВАТЬСЯ МОЛОДЫМ?

Квартиры пожилых русских людей, практически не изменившиеся со сталинских времён, особенны. Это нам иногда кажется, что пыльный ковёр на стене, кастрюли из прошлого века в накипи, фотографии, развешанные по комнатам, — немодное старьё. Даже запах в таких квартирах стоит своеобразный: помесь лекарств и духоты. Но для пожилых людей их дом — убежище собственных воспоминаний. Порой в одиночестве откроешь альбом, и появятся собеседники — хорошо знакомые, но такие далёкие лица прошлого... А что делать? К почтенным годам память становится чуть ли не единственным средством, держащим на плаву.

Квартира Петра Дмитриевича Киселёва отличается от старческих других разве что количеством комнат — пятью. Но всеми её достоинствами 93-летний выборжанин уже не может наслаждаться в полной мере — глаза ослепли, а в ушах слуховой аппарат. Как и у большинства пожилого населения, жизнь Петра Дмитриевича ограничена: он уже не может нарисовать картины, лучшие из которых, как в 60-х годах, будут выставлены в Русском музее, подготовить заметку для бывшей газеты «Выборгский коммунист», где художник, журналист и писатель проработал 40 лет.

Пётр Дмитриевич Киселёв — ветеран, журналист, писатель

Всматриваешься в эти мутные от слепоты глаза, и в душе возникает жалость: «Вот жизнь и перестала играть яркими красками — закончилась ещё в 2013 году». Подождите хоронить. В этих синих глазах заметен отблеск вдохновения, позитива. Пётр Дмитриевич смотрит на меня или сквозь меня, и то, что он видит, находится глубоко в его душе. Уникальная память. И не та, что на фотографиях, а та, что в голове.

Рисунок Петра Дмитриевича

«Первоначальное детство с каждым днём всё чётче вырисовывается. В нашей избе каждый сучок помню,» — улыбается Пётр Дмитриевич вогнутыми, как бывает у стариков, губами. Он родился в деревне Юдина, Смоленской области, а в свои 93 года живёт в Выборге и хранит память об ускользающем прошлом. Но в багаже событий того времени важнейшим остаётся детство. Не потому ли, что именно в старости мы хотим быть молодыми? Смеяться без морщин, бегать без костылей и писать книги без волонтеров... Да вы разве не видите, что перед нами сидит ребёнок! Морщинистое лицо перекрывает яркая улыбка, засохшие кисти рук дирижируют в воздухе, помогая рассказать очередную историю из детства. И вот оно, здесь и сейчас, среди самовара, альбомов, рисунков с автографами Петра, раннее: хутора, колхозы, далёкие 30-е... Время, память о котором позволяет Петру Дмитриевичу видеть жизнь в красках, несмотря на слепоту.

В сиплом голосе старика звучит отголосок ребяческого смеха. На секунду затихает. Пётр Дмитриевич делает тяжёлый вздох, когда в рассказ врывается война. «Она застала нашу семью в селе Пигулино...». И снова память о давнем будоражит старика. Но теперь она трогает не только его жизнь, но и судьбы сотен тысяч других людей, к чьим родственникам, совсем юным, прикоснулась Великая Отечественная война. Их пути разошлись, но детство для каждого продолжилось. А началом пути Петра Дмитриевича стала дорога от Смоленской области до Ива новской — по Днепру нужно было переправить стадо коров из колхоза, «чтобы немцам не досталось». Память об этом времени, как о неотъемлемой части детства, не только возвращает старика к жизни, но и заставляет задуматься нас. Какой же она была, война?

Взглянешь на пошарпанные вязаные тапочки Петра Дмитриевича и представляешь, какой путь преодолели эти самые ноги ещё юного, бойкого мальчишки с 17 июля по 14 сентября 1941-го. «Стада идут на восток. Навстречу — двусторонний поток войск. А на сердце тяжёлое чувство — беда, страшная беда нависла...» — вспоминает ветеран. В душу Петра Дмитриевича страх войны вторгнулся постепенно. Посмотрите, тогда этим ушам ещё без слухового аппарата было легко распознать рёв немецкого Юнкерса, который, «как коршун», кружил над повозками в один из дней перехода. Повезло, обстрела не было, но

на землю спускались листовки с провокационными надписями: «Дорогие дамочки, не ройте ваши ямочки. Придут наши таночки, зароят ваши ямочки». Однако фашисты не оставили дело незавершённым. Во второй налёт коршунны выпустили свои когти, и под обстрел попала знакомая Петра Дмитриевича и его любовь... Балалайка. «Главное, что я же заядлый балалайщик был!» — смеётся старик. И этот неловкий смех не от радости, а от горечи воспоминаний. И сейчас в одной из пяти комнат квартиры лежит балалайка, да никому не нужная. Пётр Дмитриевич играл бы, но уши подводят. Зато как он играл, как хорошо... Помнит.

Помнит он многое о войне: и первый массовый авиационный налёт на Москву, и смерть, которая приходила даже не от пуль, а от рака. Помнит и время, когда он, юный, четырнадцатилетний, в начале войны пылко восклицал отцу: «Я историю знаю. Россию ещё никто не побеждал!» Его детство, беззаботное, деревенское, оборвалось чем-то страшным и всемирным: «Трудно сказать о том ужасе, который пережил». Но детство продолжалось, а память копилась и сейчас готова открыться новым поколениям.

Взгляните ещё раз в слепые синие глаза этого дедушки. Ещё недавно они бегали по строчкам, когда Пётр Дмитриевич писал сборники рассказов о своём детстве: «Звёзды памяти» и «Отблеск далёких зарниц». Взгляните, перед нами словно сошедший со страниц этих книг, пожилой человек, но в душе ещё — мальчик. Память о детстве и прошлом своей страны — вот, что продолжает делать Петра Дмитриевича жизнерадостным и молодым. Может, и нам хватит силы?

Валерия Кац

Медаль за победу в ВОВ